

THE HORUS HERESY™

Graham McNeill

KRYPTOS

The voice of Chaos

Кринос

Грэм Макнилл

Атомные небеса пылали ослепительным
электромагнитным блеском, идущим от
разрушенных

энергетических труб тесла-катушек,
пока утирающие машины Кавор Сарты
вопили от ужаса.

Воздух наполнился статическим шумом
терзаемых механизмов невообразимой
сложности --

всепланетный визг распадающейся ноосферы.

Гигантские рудные поля сплавились и
растеклись, громады очистительных
заводов просели, когда

вулканические сердца, некогда дававшие
им энергию, стали причиной их гибели.

Ядерные взрывы

в мгновение ока стерли в пыль сборочные
площадки и мануфактории, в ремонтных
ангарах, где

прежде слышался перезвон трудящихся
рабочих, теперь разносилось лишь эхо куда

более

телного боя.

Лояльные кузницы, в прошлом помогавшие
строить Имперium Человека, были
порабощены

ужасающими нечеловеческими хозяевами,
которые жаждали разорвать его на куски.

В

магистралах знаний, с таким трудом
вырванных из объятий Древней Ночи,
теперь раздавались

крики стреляющих солдат, рыванье
орудий и громогласные шаги гибридных
существ, изваянных

из червеплоти и железа.

Орген Яговитых Шипов из легиона
Несущих Слово принес войну на Кавор
Сарту, войну, которую

мир-феод Механикум проиграл еще до
того, как прозвучали первые выстрелы.

Безымянный,

невидимый противник, наносивший удары
без предупреждения и оставлявший после
себя только

разрұху, отрезал Кавор Сарту от
имперских цитаделей Герольдар и Тратас.
Нападая из теней

протяженного астероидного поля вокруг
Тсагуальсы, этот лишенный имени враг
искалечил Кавор

Сарту прежде, чем Несущие Слово и их
миллиардные армии смертных спустились
сквозь

бүшевавшие в небе ядерные бүри.

Нет страха большего, чем страх перед
неизвестностью, а паника, охватившая
Кавор Сарту,

ослабила решимость защитников лучше
любого планетарного обстрела. Мир-
кузница пал за шесть

дней, и его безграничные ресурсы
перенаправили в угоду загадочной алхимии
и кошмарных

целей. Запретные хранилища вновь
отперли, схороненную науку времён
Железа и Золота вынули

из пыльных крипт ради производства с
помощью варновского колдовства

ужасающих машин

войны.

Кавор Сарта вопил, перерождаясь в новой, зловещей форме.

Он будет вопить до тех пор, пока его гигантские башни не выгорят дотла, а пламенное ядро не

станет холодным и безжизненным.

Имперский мир умирал, но его смерть не осталась незамеченной.

...

Существо двигалось плавной механической походкой, которая одновременно казалась изящной и

неестественной. Оно обладало непарным количеством ног, что оскорбляло чувства

Никоны

Шарроукина. Он укрывался в мени рупнувшей рудоплавильной башни, его тело было совершенно

неподвижным, излучение доспехов и выход газа из компактного прыжкового ранца находились за

границей обнаружения вражескими

сканерати благодаря специально
созданным системам
маскировки.

Он был настолько невидим, насколько это
только возможно для одного из сыновей
Коракса.

Шарроукин оглядел развалины кузницы,
высматривая других существ, хотя знал,
что оно одно. От

кузницы остались дымящиеся руины,
взорванная кирпичная кладка и прочные
балки выгнулись,

подобно стальному руну. Магнитные
шквалы бусевали, словно миниатюрные
пылевые вихри, а

атмосферные полехи наполнились криками
машин и случайными взрывами
оставленных

боеприпасов. Сквозь зияющие дыры в крыше
лился фиолетовый свет, клубы
радиоактивной

струи затуманивали визор.

Существо застыло у обломков обжигного
пресса, покрытое ожоговыми рубцами лица,

которое

держалось на шее из металлических жил
и влажных хрящей, недовольно кривилось.

Умплантированные глазные сферы горели
в режиме триангуляции, учащенно
пульсирова всякий

раз, когда из бездонных вокс-легких глубоко
в плоти грудной клетки вырывался
пронзительный

визг. Оно отдаленно напоминало обезьяну,
его верхняя часть тела была увита
мускулами

вперетешку с искусственно выведенными
кусками мяса и поршнями, витыми
магнитными

усилителями и торчащими хит-
шунтами. Голова казалась высеченным в
форме пирамиды ужасом

из стальных опухолей и распухшей плоти.
Широкую спину усеивали многочисленные
ракетные

контейнеры, хотя Шарроукин не заметил
в них ничего похожего на боеголовки. На
каждом

передплечье располагалось по
широкоствольному оружию -- шипящее
пламя-копье и своеобразная
гарпунная пушка.

Оно передвигалось при помощи трех
конечностей с чрезмерно большим
количеством сочленений,

из-за чего те походили на щупальца.
Велунг прозвал этих чудовищ
ферроворатами за их привычку

поглощать целые куски металла,
которые они затем выделяли в виде
пластин экзоброни. Они

были быстрыми, быстрее всего, с чем им
приходилось сталкиваться за те три дня,
которые

прошли со времени их скрытного спуска на
поверхность планеты.

Проникновение на руины Кавор Сарты
оказалось простой задачей. Даже новичок
из Гвардии

Ворона сумел бы избежать обнаружения.
Армии, захватившие планету, были
дикими и

неумелыми, они плясали вокруг горящих
озер прометия, разлившихся до
невообразимых

размеров. Над землей то и дело
поднимались грибовидные облака взрывов,
от которых

содрогалась твердь, и больше всего
Шарроукин опасался не пленения, а того,
что они могли

попасть под шальной снаряд.

Шарроукин и Белунг имели все причины
ненавидеть противника, покорившего
Кавор Сарту, но

сейчас на кону стояло слишком много
жизней, чтобы рисковать успехом задания
ради утоления

гнева. Еще со времен юности, когда он
боролся за свободу в туннелях
Освобождения, Шарроукин

научился использовать ненависть,
держат каждую ее толику наготове до
нужного момента, но

легион Белунга совсем не походил на
Гвардию Ворона. Сабик Белунг был воином

сердца, и от

ироничности этой мысли Шарроукин едва
не улыбнулся.

Ему не терпелось достать свой
изольчатый карабин, но Белунг решил
выстрелить сам.

Вокруг щупалец-конечностей ферровора
поднялись клубы опаленного металла вкүпе
с валом

облученной пыли, и существо завизжало в
отвратительном удовлетворении, вдыхая
полные

легкие металлических обломков. Оно
направилось дальше, гротескными,
перистальтическими

шагами передвигаясь по кузнице-храму.
Существо дошло почти до края
мануфактории, а Белунг
все не стрелял.

- В чем дело? -- спросил он по
закодированному вокс-каналу. -- Мне
выстрелить?

- А ты можешь учесть поправку на
радиоактивный встречный ветер или

колеблющиеся

переменные магнитных слоев? -- спросил
Велунг. -- Разве твое оружие соединено с
нервной

системой для поправки на биологическое
колебание?

- Просто стреляй.

- Когда буду готов, - произнес Велунг, и
Шарроукин услышал шипящий выдох
аугментированного
устройства.

Небо за гальной стеной мануфактории
озарилось расцветом бурлящего
фиолетового пламени, и

руины окатило волной горячего ветра.

Шарроукин распознал в осадках следы
стронция и хлорида

калия от разрушения хит-шахты или
погребенной трубы реактора, дошедшей до
критической

массы.

Доспехи Шарроукина зарегистрировали
стертельный уровень радиации, хотя ему
самому ничего

не грозило. Его латанные-перелатанные
доспехи ужаснули бы тeneвых мастеров из
Шпиля Ворона

или могли послужить причиной для
поощрения, но они достаточно хорошо
защищали от такого
рода токсичных осадков.

Отголосок пульс-снаряда Велунга утонул
в трещащем реве воздуха, всасываемого в
вихрь

воспламенившихся газов и радиоактивного
обрушения, но Шарроукин услышал его так
же ясно,

как скрежет ледяного бура в замерзшем
прометиевом забое. Ферровор повалился на
землю, когда

его жилистые ноги подкосились. Жаркий
свет в его глаза угас, и существо с
присвистом выдохнуло

насыщенный химикатами воздух.

Едва Шарроукин услышал щелчок
вылетевшего болта, он пришел в движение.

Гвардеец Ворона выскользнул из укрытия
и прыгнул на покосившуюся массу

погнутого металла.

Наметанным взглядом он сразу определил, куда следует сместить вес, и принялся перепрыгивать

с одной твердой поверхности на другую, после чего выпрыгнул на угловатую балку под потолком.

Он с легкостью приземлился и полчался к выплавленному краю рухнувшего бруса.

- Четыре секунды, - прозвучал голос Белунга.

Шарроукин не ответил и включил двигатели прыжкового ранца, пламенной дугой перепорхнув

через широкий вентиляционный канал стертого в пыль фрезерного станка.

- Две секунды.

Шарроукин сорвал с пояса устройство размером с мelta-заряд, после чего ринулся на широкие

плечи ферровора. В глазах создания полыхнул красный свет, но прежде чем оно успело хотя бы

шевелинуть конечностями, Гвардеец

Ворона закрепил устройство у основания
его шеи. Узлы

инжектора вонзились в плоть существа, и
устройство издало резкий бинарный писк.

- Огна.

Ферровор пошатнулся, и Шарроукин
слетел с его спины. Он превратил падение
в управляемое

снижение, выгнувшись и на лету достав
нарабин. Палец лег на спусковой крючок, но
натренированные рефлексy не дали ему
нажать слишком сильно.

Красные глаза ферровора пронзили его
взглядом, но ракетные контейнеры
оставались закрытыми,

и ручное оружие бессильно повисло по
бокam.

Шарроукин выдохнул.

Рядом с ним возник Велунг, укрываясь в
широком вентиляционном канале, который
шел сквозь

последнюю уцелевшую стену кузницы. Его
обильно аугментированный болтер был
переброшен за

плечо, словно он только что попал в мирно пасущееся животное, а не вражеского боевого сервитора.

- Хорошо ты с ним разделался, - произнес Велунг.

- Если бы ты не ждал так долго, мне бы не пришлось лететь так далеко.

Велунг пожал плечами. Его боевая броня была такой же черной, как у Шарроукина, но если у

Гвардейца Ворона она была небольшой и удобной, то у Велунга -- массивной и напичканной

различной аугметикой. Там, где на плече у Шарроукина красовался белый ворон его легиона --

пусть и потемневший от ионизированной пыли -- у Велунга была посеребренная перчатка

Железных Рук. Одну из рук Велунга заменили бионическим имплантатом, а большую часть

внутренних органов пришлось заменить

после ранений, которые он получил от
руки самого

финиксийца.

- Я предугадал взрыв химических и
радиоактивных элементов, и рассудил,
что смогу прикрыть

выстрел термальными и
электромагнитными помехами, - заявил

Велунг. - Я просчитал, что ты

также сможешь добраться до ферровора
вовремя.

- Перестань их так называть, - сказал
Шарроукин. - Давая имена этим

существом, ты как будто

предрекаешь им долгую жизнь.

- Как мало ты знаешь, - ответил Велунг,
сняв винтовку с плеча и взобравшись на
неподвижное

тело ферровора. - Давая имя машине, я
могу узнать ее. Если я знаю ее, то
понимаю. Если я

понимаю, то могу победить. Теперь давай
быстрее, пока когнитивный разум
существа не выжест

ингибитор блокировки позвоночника.

Шарроукин подавил отвращение и следом за Велунгом залез на спину ферровора, цепляясь за

наросты торчащих пластин брони, чтобы добраться до влажной полости между ракетными

контейнерами и прогнившим мясом на спине. Из перчатки Велунга выскользнул глиняный шип из

покрытого серебром металла, и Шарроукин непроизвольно поморщился.

Велунг загнал шип в основание позвоночника ферровора, и хотя

Шарроукин не увидел никаких

внешних перемен, он ощутил дрожь, охватившую кибернетическое существо, пока оно боролось за

контроль над собственным телом.

Вайланг кивнул и сказал:

- Оно наше.

...

Шарроукину пришлось объединиться с Велунгом от безысходности, но пока воин

Железных Рук

неплохо себя проявил. Ему очень не хватало навыков скрытности, но он компенсировал этот

недостаток куда более специализированными умениями.

Шарроукин и Велунг отличались по талантам и внешнему облику настолько, насколько это только можно представить, но общий опыт

сковывал их узлами, какие могли оценить только очень немногие из легионеров Астартес.

Они выжили на Устване-5.

Отрезанный от примарха и боевых братьев, Шарроукин спасся из резни в зоне высадки на

«Грозовой птице» Железных Рук, одной из немногих, которой удалось пролететь огненный смерч

ракет. Шарроукин лежал при смерти, изрешеченный болт-снарядами предателей, которые

пробили его доспехи с тошнотворной

легкостью. Сабик Белунг затащил его
израненное тело в

«Грозовую птицу» и прокричал пилоту
взлетать. Находясь на волосок от смерти,
Шарровкин

чувствовал, как пули грохочут по броне
«Грозовой птицы», пока она уносилась прочь
от места
катастрофы.

Затем последовали месяцы исцеления,
хотя Шарроукин не помнил почти ничего,
кроме

возвышающегося над ним в аптекарском
размытого образа с резким голосом.

- Ты не утреешь, Гвардеец Ворона, - звучал
голос. - Не позволяй слабой плоти предать
тебя,

особенно после того, как ты столько
пережил. Я получил удар от финиксийца,
но до сих пор жив. И

ты также будешь жить.

Шарроукин помнил властный тон этого
голоса, и не остелелся его послушаться. Он
слышал в нем

горечь, но не понимал ее причины до тех пор, пока не узнал, что Феррус Манус мертв, повержен той же рукой, что ранила Сабика Велунга.

После катастрофической контратаки против войск Магистра Войны Железные Руки искали способ

отомстить. Несмотря на сокрушительную потерю примарха, сыны Медузы были снова готовы к

бою в течение дня после того как встретились с идущими следом силами, которым повезло

избежать ловушки Магистра Войны.

Следующие шесть месяцев разгромленная тактическая группировка Железных Рук с таким

успехом задерживала вражеские флоты, что сам Коракс мог бы ими гордиться.

Атакую, отступая и

снова атакую, они били туда, куда только представлялась возможность. Словно оглушенный боец,

который попросту не в силах
остановиться, Железные Руки неустанно
шли в бой.

И теперь они отыскивали цель, достойную
своего гнева.

...

К тому времени, как имперские силы
перегруппировались для отражения угрозы
в секторе Тралас,

для Кавор Сарты было уже слишком
поздно. Ее громадные запасы ресурсов
перешли в руки врага,

и предатели координировали усилия,
чтобы вырвать оставшиеся миры-кузницы
из хватки

марсианского жречества. Имперские
командующие пришли в ужас от
искусности координации

изменников, и вознамерились прервать
астронавтические передачи между
покоренными мирами и

флотами предателей.

Подобные методы считались испытанным
и действенным средством для разрушения

вражеских

планов, но кое-что пошло не так. Естественно, их сообщения были зашифрованными, но

механикум Тратаса, считавшиеся лучшими взломщиками кодов, быстро разгадали коды связи.

Вместо сведений о передвижениях флотов, их местоположению и силах, раскрытый текст

оказался искаженным месивом из испорченного бинарного кода, вплетенного в нераспознаваемую

ветвь лингвистической системы передачи, не относившейся ни к одной из известных языковых

групп, которые поддавались бы переводу.

Объяснение пришло только после захвата флагамена предателей. Варшвизатели корабля дали

сбой, когда он уходил из отмененной засады, после чего воины из Первого Легиона взяли его на

абордаж и уничтожили всех, кто

находился на борту. Одно из обнаруженных
тел принадлежало

модифицированному до неузнаваемости
гибридному существу, которое несло на
себе отпечаток

генетических манипуляций и
аугментической хирургии невиданного
доселе рога. Хотя мозг

существа превратился в кашу, а органы
связи были вырваны с корнем, проведя
тщательное

вскрытие, агенты Марса пришли к
неизбежному выводу.

Существо представляло собой
искусственно выведенную
гибридизированную форму жизни,

обладающую собственным языком и
способом артикуляции, перевести которые
могло только

другое такое создание. Это был идеальный
носитель кода, чьи шифры Механикум
смогли бы

взломать лишь в том случае, если бы им
удалось захватить одного из

представителей их вида
живьем.

Агенты Механикум нарекли их
Нелинзвальним Воинством Шифра.
Велунг же называл их Криптосами.

...

Они засели в развалинах завода по
очистке руды, посреди пузырящейся
трясины шипящих
нефтепродуктов и ядовитых испарений.
Расположенный между возвышающимися
ретрансляционными башнями, которые
потрескивали от жужжащих
электрических сполохов,
очистительный завод находился
настолько близко, насколько ферровор смог
их завести. Он
провел их через многоуровневую защиту
кузницы-храма, мимо заваленных трупами
жилых башен
и выжженных огнем мануфакторий,
наполненных эхом бездушного машинного
канта,
переходящего в статику по бере своего

искажения. Они видели мастерские,
гудящие от ударов
молотов сборочного оборудования, и
пейзажи, изменяющиеся от слепящего
серебра и золота до
опаленного железа и алтарей из
порошенной кровью бронзы.

Рядом с ними суетились десятки
ферроворов, но ни один из них не смотрел в
их направлении

благодаря Велунгу, поработавшему на
энергетическим излучением их существа.

Патрули

смертных и бронетехника старались
обойти созданий десятой дорогой, ведь
ферроворы были

непредсказуемы, и могли обратить
свой гоним в равной степени на врагов и
союзников. Оно

знало безопасные пути мимо разрывных
мин, через слепые пятна датчиков
движения и обладало

достаточной маневренностью, чтобы
продвигаться по полям лазерных ловушек.

За ретрансляционными башнями
раскинулось огражденное стеной сердце
кузницы-храма,

угловатое нагромождение кубов, пирамид
и сфер. Странные символы и непонятные
уравнения

были начертаны на сводчатых потолках
тазлами из крови и масел, священная
архитектура

Омниссии, оскверненная неэвклидовой
геометрией и извращающей эшеровской
алгеброй.

Ферровор притаился позади них, его
механическое рычание утонуло в
резонирующем басовитом

гудении башен, возле которых они
прятались. Но меньшей мере пятьдесят
таких же созданий

бродили по неровной пустоши, оставшейся
на месте уничтоженных заводов вокруг
храма. Они

двигались пересекающими патрульными
кругами вместе с несколькими сотнями
вооруженных

солдат с модифицированным ауспик-снаряжением скитариев.

- Защитные башни, пикт-сканеры, сенсоры движения, участки изменяющегося давления и

накладывающиеся линии огня. И только один вход, - сказал Шарроукин, отмечая одно средство

обороны за другим. Он лежал в тени, пристально взглядываясь в затемненные магнокюляры. - Судя

по защите этого места, наши источники оказались правы. Крипос здесь.

- И ты знаешь способ, как нам обойти все это? - спросил Велунг, сидевший за огромной

изолирующей тарелкой из керамики, которая свалилась с разрушенной башни. Он прижал болтер

к плечу, хотя ствол и прицел были сняты.

- Думаешь, сможешь перестрелять пятьдесят ферроворов? - поинтересовался Шарроукин.

- Нет, но будь у нас рота Железных Рук,

мы бы пробилась внутрь.

- Чтобы достать необходимое, мы не должны пользоваться тараном и другим оружием. Если

пойдем напролом, Крипосу тут же вышибут мозги.

- Так как ты думаешь войти?

- Мы не войдем, - сказал Шарроукин. - Необнаруженным туда проникнуть невозможно.

- Значит, все это задание было пустой тратой времени? - спросил Велунг. - Я это думал,

Гвардия Ворона знает толк в таких делах; скрытное проникновение и обход вражеской обороны.

- Так и есть, но иногда пробраться внутрь бывает просто невозможно. Иногда оборона настолько

плотная, что мимо нее не пройдешь, какие бы ухищрения ты не использовал.

- И что это значит?

- А то, что раз мы не можем проникнуть внутрь, мы заставим врага вывести

Криптоса наружу.

...

Несмотря на разрушения вокруг храма, оказалось довольно просто отыскать открытый

инфожелоб, соединявший храм с планетарной сетью. Большая часть проводов была повреждена

или расплавлена, но несколько пучков лататовых кабелей уцелели, и именно нагнали сейчас

трудился Велунг. Из его покрытой отверстиями перчатки вылезали многочисленные зажимы для

электропроводки и щелкающие устройства, но даже крошечные искорки, прыгавшие между

инструментами, заставляли Шарроукина нервно озираться.

- Они ведь не засекут нас?

- Только если будешь меня отвлекать, - ответил Велунг, подсоединив кабель из конца проводов к

громоздному устройству на поясе.

Шифровочная машинка Механикум
зажужжала, принявшись
пережевывать шифрование высокого
уровня прикосновением достаточно
легким, чтобы избежать
обнаружения.

- Я внутри, - сказал Велунг, когда из
шифровочного устройства зашипел
кодированный бинарный
шифр. -- Ноосферная внутренняя связь
высокого уровня. Только лучшее для
Криптоса...

- Полегче, - заметил Шарроукин. -- Если
предатели хотя бы подумают, что мы
здесь, миссия
провалена.

- То, что я из Железных Рук, еще не
значит, что я не могу действовать тонко,
когда этого требуют

обстоятельства, Никона, - произнес
Велунг, нарочно назвав его по имени. -- Я
обучался на Марсе

и знаком с инновациями агента Зета в
ноосферной сети.

- Так ты уже сталкивался с такого рода системой?

- Я ее детально изучал, - сказал Велунг.

- Изучал? - переспросил Шарроукин. -
Значит, тебе не приходилось обращаться с подобным раньше?

- Не совсем, но уверен, что все получится, - ответил Велунг, подняв вилку соединителя и вставив ее в основание модифицированного горжета.

- Я тебе это припомню, когда нам придется спасать свои шкуры, - сказал Шарроукин.

Велунг не ответил, напрягшись, когда информация заструилась по золотым кабелям в его

улучшенные кортикальные имплантаты.

Воин Железных Рук махнул перчаткой, управляя операционными системами, подачей энергии и

потоками данных, которые мог видеть только он. Кончиками пальцев,

настроенными на доступ к
гаптике, он просеивал груды ноосферной
информации торганием глазных линз,
когда его

затопило вихрем сведений.

Шарроукин оставил Велунга заниматься
проникновением в информационную
систему кузницы-

храма, а сам вернул внимание его защите,
высматривая, не привлекли ли они чье-то
внимание.

- Она мне поможет... - шепнул Велунг, и
Шарроукин склонил голову, прислушиваясь.

- Что именно?

- Кузница, - добавил Велунг, его голос
звучал отстраненно и напряженно. - Она
ненавидит то, чем

стала, и хочет, чтобы я прекратил ее
страдания. Ее системы

перенастраиваются на мои

информационные отпечатки.

Шарроукину стало не по себе от мысли,
что храм-кузница проявляет нечто, что
отдаленно можно

принять за сознание. Механикум были
бесценной частью Имперуума, хотя их
вера в

божественную силу машин, которые они
создавали и за которыми ухаживали, едва
ли

соответствовала Имперской Правде.

Но, как и в случае с большинством
полезных вещей, целесообразность и
полезность

перевешивали предубеждения.

- Готово, - сказал Велунг, введя на
невидимой панели что-то вроде кода
доступа. - Скоро они

закопшатся.

Шарроукин посмотрел на храм, когда по
всему комплексу взвыли сирены
предупреждения.

Вспыхнуло аварийное освещение, из
клаксонов на защитных башнях полились
громкие

объявления на булькающем канте. Из
железных построек хлынули потоки
вооруженных людей,

стесь одичалых когорт скитариев и паникующих армейских подразделений.

- Не знаю, что ты сделал, - сказал Шарроукин. - Но их это изрядно напугало.

- С разрешения храма я извлек стержни управления из атомного ядра реактора и изменил состав

катализирующих элементов, чтобы по экспоненте довести изотопы до критической массы. Как

только это случится, все в пределах ста километров будет уничтожено.

- Включая нас?

- Нет, - произнес Велунг и похлопал по еще одному устройству Механикум на поясе. - Кроме нас.

Вражеские войска собрались перед главными воротами храма, встав защитным построением в

ожидании дальнейших приказов. На лицах солдат явственно виднелся страх, а когда враг в

нерешительности, самое время нанести удар.

- Там, - сказал Белунг. - Должно быть, это он.

Шарроукин посмотрел туда, куда указывал Белунг. Воин в сверкающих красных доспехах, на

которых развевались скрепленные воском свитки, сопровождал ничем не примечательного агента

в свободной черной мантии. За исключением сетчатых механических рук и аугментации, которую

можно было встретить у большинства техножрецов, ничто не выделяло агента из массы других.

- Несущий Слово, - выплюнул Шарроукин, его голос напрягся от сдерживаемой ненависти.

- Магнитный разряд заблокирует вокс-переговоры, - сказал Белунг. - Но у нас меньше пяти минут, чтобы захватить Криптоса.

- Тогда выдвигается, - ответил Шарроукин и ткнул пальцем за плечо. - Оно готово?

Велунг включил на захваченном ферроворе порабощающее устройство.

- Более чем, - сказал он.

...

Ревущие гейзеры сверхнагретого радиоактивного пара взорвали купола и стены кузницы-храма,

переменчивый воздух прочертили пылающие разряды молний. Когда атомное ядро храма

взбурлило, системы охлаждения и протоколы рассеивания были сознательно отключены или

просто отказали. Немногие агенты, все еще остававшиеся на постах, обнаружили, что им на

каждом шагу мешают предотвратить близящуюся катастрофу.

Но гибель кузницы знаменовалась не только разрушением структурных элементов, когда Сабик

Велунг и утирающее сердце машины исполнили свою месь. Из защитных турелей вырвался

автоматический огонь, выкашивая
предателей бронебойными снарядами.
Выключатели катушек
расщепления, предназначенные для
детонации заглубленных мин при
схождении определенных
параметров, сработали чередой
грохочущих взрывов, от которых
содрогнулась земля и в шарах
пламени обрушились ближайшие
постройки. Ферроворы загрохали, когда в
их кортикальные
имплантаты стали поступать
противоречивые приказы, и открыли огонь
по кучкам скитариев,
после чего бросились поглощать их
закованные в металл тела.

С холодной решимостью охотников
Шарроукин и Белунг ринулись сквозь
стробирующее безумие
взрывов и пальбы.

Белунг на ходу стрелял оглушительными
гозвукowymi пулями. Каждый снаряд
разрывался в

панцирной броне военного лорда скитариев
или надсмотрщика, все цели подбиралась
ради

уничтожения командной цепочки врага,
чтобы никому не позволить взять
ситуацию под контроль.

Он двигался с механической точностью
вместе с оружием ферроворот,
выпускавшим дуги

слепящего света и заряженные током
гарпуны. Он прокладывал путь сквозь тех
немногих

предателей, которые распознали в них
врагов.

Ракетницы у него на спине извергали
залпы ракет, снаряды разрывались и
усеивали землю

сотнями плазменных бомблетов.
Ослепительные взрывы синего пламени
потрескивали среди

изменнических подразделений Армии, с
гротескным шипением плава металл,
плоть и кость.

Карабин Шарроукина был легче оружия

Велунга, но в руках мастера-снайпера
такой же

смертоносный. При каждом нажатии на
курок раскалывался вражеский череп или
разрывалось

открытое горло; смертельные выстрелы,
отнимавшие жизни до того, как жертвы
успевали

заметить опасность.

- Он убегает, - сказал Шарроукин, когда
Несущий Слово забросил закутанного в
мантию агента на

плечо и бросился к зданию под низкой
крышей в углу храмового двора.

- Стожешь поймать? - спросил Велунг,
вознав болт-снаряд в грудь кричащему
воину скитариев с

окровавленной звериной шкурой,
наброшенной на усеянные клыками
наплечники.

- Я тебя утоляю, - ответил Шарроукин.

- Отыщи меня за шестьдесят секунд,
иначе не выберешься с планеты.

Шарроукин кивнул и включил прыжковые

двигатели, оставив позади Велунга и
берсерка-

ферровора. Несущий Слово был слишком
далеко, чтобы добратья до него за один
прыжок,

поэтому Шарроукин направился вниз, ведя
огонь в автоматическом режиме, и
набирая скорость

для следующего скачка. Двигатели
полюхнулись ярче, и, рванувшись вниз,
Шарроукин увидел, что

Несущий Слово добрался до постройки,
крыша которой разъехалась в стороны,
явив серебристый

флаер с огромными двигательными
гондолами.

- Тебя поймают не тот враг, которого ты
видишь, - прошипел Шарроукин. - А тот,
которого нет.

Карабин вспыхнул, и Несущий Слово
пошатнулся, когда иглы на огромной
скорости прошли ему

бок шлема и плечо. Во все стороны
разлетелась искореженный металл и

кератит, Шарроукин

закинул оружие за плечо и приземлился, сокрушив под собой камень и погнав вал горячего дыма.

Гвардеец Ворона выхватил из заплечных ножен парные гладиусы с черными лезвиями и бросился к

Несущему Слово. Предатель стянул пробитый шлем, и Шарроукин увидел пепельно-серое лицо,

покрытое переплетенной массой татуировок, которые извивались под кожей, словно черви,

выведенные обладающими сознанием чернилами.

Несущий Слово бросил Криптоса и выхватил болтер. Шарроукин рубанул первым гладиусом по

стволу, а второй вознал в нагрудник Несущему Слово. Воин зашипел от боли и отпрянул, когда в

казеннике оружия разорвался снаряд. Он ударил кулаком, но Шарроукин уже пришел в движение.

Он развернулся вокруг Несущего Слово и вонзил мономолекулярное острое злагия воину в шею.

Лезвие дошло до позвоночного столба. Шарроукин прокрутил меч, и голова Несущего Слово

повалилась на плечо, когда он вырвал оружие. Тело еще не успело упасть, как Гвардеец Ворона

обернулся и вздернул агента в черной мантии с земли. Капюшон откинулся, и Шарроукин

вздрогнул, увидев ужасающее лицо создания. Его кожа была такой же бледной, как и у него,

нижняя часть лица представляла собой кошмарное скопление подвижных частей, углиттеров,

вокс-решеток и издающих звуки деталей, не походившее ни на что из виденного Шарроукином

прежде. То, что осталось от черепа, выглядело как перфорированный интерфейс когитатора,

скопление меди и чужацкой плоти
вперемешку со стеклянными участками,
сквозь которые был

виден аугментированный мозг.

Кринос издал звук, похожий на скрежет
железными ногтями по грифельной доске,
и из его рта,

шевелившегося с отвратительным
механическим пощелкиванием и утробным
звериным урчанием,

вырвался поток сжатого машинного звука.

- Как я и думал, - сказал Шаррошкин,
закинув Криноса на плечо и вызвав иконку
местоположения

Велунга. Воин Железных Руки сражался в
самой гуще боя, укрываясь в тени
ферровора, который

рвал на куски своих бывших союзников.
Шаррошкин взмыл в воздух, оставляя за
собой огненный

след, и приземлился в воронке от
взорвавшейся звуковой мины. Второй
прыжок пронес его над

группой укрывшихся мертвых, а с

третьим приземлился возле Байланда.

- Все идет отлично, - заметил Велунг. -

Ядро дошло до критической массы.

- Сколько еще? - спросил Шарроукин, скинув Кривтоса с плеча.

Велунг снял второе устройство, которое ему дали агенты Механикум, и поставил его на землю

между нити. Он щелкнул активирующим механизмом, его палец завис над кнопкой активации.

- Готов? - сказал он.

- Давай, - произнес Шарроукин, когда небо похлынуло невыносимо ярким светом, и мощное

свечение стерло кузницу-храм с лица планеты в реве ядерного пламени.

...

Время потеряло всякий смысл.

Для Шарроукина прошел век или одно мгновение, промежуток времени, который было невозможно

определить. Свет и тень поднялись и исчезли, мир снаружи казался мерцающим

пүзырел

нереальности, который укрывал их от гибели в ядерном огне, двигавшийся, словно серия кадров

из пиктера. Он не мог двигаться, не мог думать, и -- невзирая ни на что -- не мог существовать.

А затем мир снова приобрел четкость, когда таймер на генераторе стазисного поля достиг нулевой

отметки. Вокруг них закружились раскаленные ветра, зараженные и несущие с собой токсичные

яды, которые на тысячелетия сделают этот регион Кавор Сарты непригодным для жизни. От

кузницы-храма не осталось и следа, только остекленевшая равнина и глубокая расщелина в земле,

где находилось расплавленное ядро. Многокилометровое грибовидное облако переливалось

огнем, воздух грозил от мощной ударной волны. Среди ужасающей пустоши,

оставшейся после

ядерного взрыва, кружились щелочные
торнадо из тяжелых металлов, грозовые
тучи с рокотом

сшибались в электромагнитных схватках.

Велунг стоял на коленях перед
генератором стазисного поля, но затем
поднялся и отряхнулся.

Шарроукин оглянулся, пораженный тем,
что им удалось пережить ядерное
испепеление.

- Думаю, все прошло удовлетворительно, -
сказал Велунг.

- Мы живы, и Криптос у нас, - согласился
Шарроукин и бросил взгляд за жалкое
существо, которое

свернулось калачиком и тараторило что-
то на своем неестественном,
непроизносимом языке-

шифре, пока его хрупкое тело поддавалось
облучению.

- И предатели не заподозрят о нашем
вмешательстве. Для них это будет
случайная авария.

- Считаешь, враги на это поведутся?

- Учитывая слабое взаимодействие и отсутствие экспертов-техников в оккупационных войсках,

подобные события здесь не редкость, - ответил Велунг. - Полагаю, наше вмешательство не заметят.

Шарроукин кивнул и активировал встроенный в доспехи телепортационный маячок, чтобы дать сигнал кораблю Железных Рукав, укрывшемуся среди орбитальных обломков вокруг Кавор Сарты.

Электромагнитные бури скроют след телепортационного луча, и они исчезнут прежде, чем

вражеские войска придут для осмотра места аварии.

- Хорошая работа, Сабик Велунг, - сказал Шарроукин.

- Действительно хорошая, Никона Шарроукин, - согласился Велунг.

«В общем и целом», - подумал Шарроукин,

«предателям выдался сегодня не лучший день».

• • •